

UDK 811.161.1'22

Токарев Валериевич Григорий

ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Россия

grig72@mail.ru

КВАЗИЭТАЛОН КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ

Результатом взаимодействия культуры и языка становится новый семиотический уровень лингвокультуры. В нём функционируют особые единицы, имеющие вербальную природу, выполняющие функцию знаков культуры. Одной из таких единиц является квазиэталон. Элемент квази- подчёркивает особую, вербальную природу этой единицы. Квазиэталон указывает на стандарт качеств человека. Семантика квазиэталона формируется на базе коннотаций языковых с опорой на сходство. В статье описаны особенности кодирования культурных смыслов с опорой на базовый образ, выделены основные коды культуры. Определено, что продуктивным кодом русской лингвокультуры является биоморфный код с базовым образом животное. Проиллюстрированы механизмы сцепления культурной информации с языковой материей. Квазиэталон имеет прототипический характер. Квазиэталон обозначает ценности лингвокультурной общности. Семантика квазиэталона антропоцентрична. В статье реконструирован портрет русского национального характера.

Ключевые слова: стереотип, прототип, коннотация, код культуры, базовый образ

As the result of interaction between culture and language a new semiotic level, linguaculture, emerges. On this level, individual units that are verbal in nature function as symbols of culture. One of these units is quasi-standard. The element "quasi" emphasizes a particular, verbal, nature of the unit. Quasi-standard points to the standard of human qualities. The semantics of quasi-standard is formed on the basis of linguistic connotations relying on similarity. The article describes the peculiarities of coding cultural meanings in terms of the base image and identifies the main cultural codes. The author determines that the productive code of the Russian linguistic culture is a biomorphic code with a base image of *animal*. He illustrates the mechanisms that bind cultural information with linguistic matter. Quasi-standards are prototypical in nature. They represent the values of a linguacultural community. The semantics of quasi-standard is anthropocentric. The article reconstructs the image of the Russian national character.

Keywords: stereotype, prototype, connotation, culture code, base image

В конце XX века внимание филологов привлекли особенности интеракции языка и культуры. Как известно, знаковые системы представляют собой непрерывную гамму, их границы нечётки, план содержания одной системы может становиться планом выражения другой. Промежуточное положение между системой языка и культуры занимает лингвокультурная система. Определяя данное знаковое пространство как систему, мы полагаем, что она имеет свой набор единиц и присущих им функций. К ним относятся прецедентные имена, названия артефактов вторичного мира, квазиэталоны, квазисимволы,

квазимеры и др. В этой статье мы рассмотрим некоторые семантические и функциональные особенности квазиэталонов.

Термин *квазиэталон* был предложен В.Н. Телия, которая понимала под ним лингвистическую единицу, указывающую не на референт, а на какую-либо идею, связанную с представлениями о качествах человека, репрезентированную образом данного референта (Телия 1996: 245). Уточняя приведённое определение, отметим, что квазиэталон является элементом лингвокультуры, репрезентирует стереотипы человека с опорой на средства естественного языка. Под стереотипом мы понимаем устойчивое мнение о чём-либо (QUASTHOFF 1973: 28), в языке они объективированы внутренними формами – квазистереотипами. Квазиэталоны не следует отождествлять с стереотипами, поскольку они имеют разную природу: первые материально выражены, вторые – идеальны, функционируют на концептуальном уровне. Они репрезентируют стереотипы о стандартных качествах и свойствах человека.

Данные единицы лингвокультуры являются устойчивыми координатами, константами лингвокультурного пространства. При всей динамичности культурного процесса квазиэталоны остаются наиболее стабильной частью лингвокультуры. Они обобщают и организуют квазистереотипы, отражают доминанты языковой интерпретации тех или иных аспектов действительности, закрепляют наблюдения, которые стали житейскими правилами. Квазиэталоны наиболее точно и ёмко отражают особенности национального характера.

Квазиэталон является элементом материальной культуры, созданным средствами естественного языка, тем самым отражая результаты взаимодействия двух семиотических систем – языка и культуры. Этот факт определяет сложность семиотической природы этой единицы.

Означающее квазиэталона представляет собой своеобразный культурный артефакт, оно полностью приспосабливается для объективации культурного смысла. Процесс семиозиса данного знака характеризуется тем, что языковое сознание выделяет тот или иной факт окружающей действительности, тем самым ценностно маркирует его и приписывает ему новый десигнат – меру свойств и качеств человека.

Формирование квазиэталона проходит в два этапа. На первом культурно маркированный смысл воплощается в значении языкового знака в виде коннотации. Она формируется на основе наблюдений за объектом, отражённым в квазистереотипе (внутренней форме языковой единицы). Н.Г. Складаревская отмечает: «Прежде чем назвать хитрого человека лисой, трусливого – зайцем, неуклюжего – медведем и т.п., нужно связать эти качества с животными – т.е. квалифицировать каждое животное соответствующим образом» (Складаревская 2004: 53). Объективность коннотации способствует дальнейшему единообразному пониманию квазиэталона всеми членами лингвокультурной общности.

Второй этап связан с переходом единицы в систему лингвокультуры, обретением ею функции символа. При этом данная единица становится константой, универсалией для лингвокультурной группы. М.Л. Ковшова отмечает:

«...Мир – природа, артефакты, внешние качества и внутренние свойства человека – приобретают в процессе своего освоения и познания особый семиотический, культурный смысл, который возникает из небуквальных смыслов вещей. Мир освобождается от своей физической, материальной природы, чтобы обрести в представлении человека о нем иную, социальную (моральную) и духовную (нравственную) мотивацию. Знаки материального мира (разной субстанции, в том числе и вербальной), награжденные культурным смыслом, становятся культурными знаками и могут восприниматься и использоваться именно в этом их вторичном качестве» (Ковшова 2009: 22–23).

Процессы эталонизации, символизации связаны с активной работой коллективного сознания, отражающего генезис культуры. Так, верования христиан в то, что голубь является воплощением Духа Господа, приписывание этой птице ряда прогностических, оберегающих функций привели к ценностной маркированности данного объекта. У слова *голубица* ‘самка голубя’ стали формироваться культурные коннотации ‘святость’, ‘непорочность’, ‘божественность’. Образ голубицы стал формой для стереотипа целомудренного, невинного человека. Коннотации слова *голубица* вошли в зону денотации культурно-языковой единицы. В результате такого интерактивного взаимодействия языка и культуры культурная информация кодируется языковыми средствами, а языковые знаки получают способность выполнять функцию знаков культуры (Телия 1999: 14). Формирование семантики квазиэталона осуществляется путём сцепки культурной коннотации с содержанием стереотипа. Так, названные коннотации слова *голубица* соединяются с стереотипом святого, непорочного человека; слово становится квазиэталоном.

Видимо, поэтому продуктивны при образовании квазиэталонов механизмы косвенной номинации. В основе большинства квазиэталонов лежит сходство. К основным матрицам переноса можно отнести следующие:

- сходство деятельности, функции (*автомат* ‘кто-л. действующий бессознательно, безостановочно, с механической точностью’, *акула* ‘эксплуататор, хищнически пользующийся чужим трудом и имуществом’);
- сходство внешнего вида (*веник* ‘растрёпанный человек’, *кочерга* ‘старик или старуха’);
- сходство восприятия (*картина* ‘вызывающий восхищение, удивление своим видом, красотой человек’, *кипяток* ‘вспыльчивый человек’).

Квазиэталоны отражают компрессированные ценности человеческого сознания, типичные представления о тех или иных явлениях действительности. Квазиэталоны первыми приходят на ум при ответе на вопросы типа: «Как называется человек, обладающий качествами..., свойствами ..., делающий что-либо?» Главное же, квазиэталоны соотносятся с стереотипами – стандартными мнениями о чём-либо. На этом основании можно предположить, что они репрезентируют прототипы.

Формирование того или иного квазиэталона, репрезентирующего прототип категории, опирается на практический опыт, наблюдения человека за действительностью либо на архетипические представления, априорно передающиеся от поколения к поколению. Так, наблюдения за поведением

птиц легли в основу формирования прототипов рано или поздно встающего или ложащегося спать человека и вербализации их квазиэталонами *жаворонок, сова*.

Прототипический характер квазиэталонов подтверждается рядом их функциональных, номинативных характеристик. Во-первых, квазиэталоны частотны в речи носителей языка. Они широко используются в различных речевых жанрах (особенно в прецедентных текстах), выступают в качестве названий произведений, что свидетельствует об их текстообразующих функциях. Во-вторых, квазиэталоны обладают высоким продуцирующим потенциалом. Они часто выступают в роли ономаσιологической основы при образовании слов и устойчивых единиц. Ср.: *попугай* → *попугайничать*, *обезьяна* → *обезьяничать*. *Волк* → *не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; волка ноги кормят; с волками жить по-волчьи выть*. *Ворона* → *ворона в павлиньих перьях, белая ворона, ни пава ни ворона*.

Квазиэталоны русского языка, отражая стандарты качеств человека, объективируют ценности русского народа, вербализируют систему императивов, направленных на человека, создавая его идеальный образ, фиксируя норму. Языковое сознание любого народа реагирует прежде всего на отступления от нормы, поэтому внутренние формы квазиэталонов фиксируют стандарты хорошего или плохого. Как правило, объективируются в большей степени негативные стереотипы.

При определении эталона человека важно учитывать, какие ментальные аспекты подвергаются номинации, а также плотность номинаций. Наиболее важными аспектами в человеке для русского языкового сознания оказываются следующие:

- деятельностные характеристики (человек и его практики);
- социальные характеристики и отношения (отношения человека к другим людям);
- внешность.

(Характеристики расположены по степени убывания).

Менее значимыми являются интеллектуальные качества (знания, опыт), возраст, нравственная характеристика; психические свойства и ряд других. Отсюда следует первый вывод: важным для русских людей является то, как человек проявляет себя в различных видах практик. Эта сторона жизни оценивается наиболее строго. Для русских показательна социальная значимость, адекватность обществу, что связано с коллективизмом, соборным укладом жизни. Важными являются физиологические, внешние характеристики человека. Отметим, что они разноаспектны, что обуславливает большое количественное значение в этой группе.

Семантика квазиэталонов русского человека отражает стандарты русского характера. Человек должен быть трудолюбивым, здоровым, сильным, считаться с законом, не противопоставлять себя обществу, быть смелым, спокойным, жизнерадостным, воспитанным, честным, вежливым, доброжелательным, гуманным, добрым, нравственным, умным. Идеальный человек имеет средний доход. Он должен иметь невыделяющиеся черты лица, обладать хорошим

зрением и слухом, быть стройным и иметь средний рост, быть опрятным. Как видим, особое внимание уделяется тому, как человек проявляет себя в различных видах деятельности, при общении с другими людьми. Отклонения от нормы объективируются квазиэталонами, фиксирующими антистандарты русского человека. Квазиэталон объективирует как стандарты, так и антистандарты человека. В мужчине русское языковое сознание выделяет параметр физической силы, опыта, смелости, социальной значимости. В женщине – внешней привлекательности, молчаливости, доброты, сноровки.

Рассмотрим особенности кодирования, представления в языке стандартов качеств и свойств человека. Культурный код в семиотике культуры определяется как «система означивания, то есть сформированная стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов» (Алефиренко 2002: 61–62). Эти механизмы используются в двух процессах: 1) при образовании смыслов; 2) при их репрезентации (выражении). Таким образом, культурный код – это своего рода матрица, определяющая способ мышления и обозначения. Код культуры направляет, определяет содержание и формы репрезентаций. Его можно представить как сетку, которую культура «набрасывает» на окружающий мир. М.Л. Ковшова указывает, что культурный код «означает соответствие между планом выражения и планом содержания знака; кодом задаётся значимость знака, а интерпретатор эту значимость определяет, «расшифровывает», то есть понимает знак. Код, по метонимии, обозначает класс знаков и правила их “прочтения” интерпретатором, которые, в свою очередь, тем или иным культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора и т. п. Код вырабатывается и осуществляет свою функцию в культуре» (Ковшова 2007: 30).

Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Так, в культуре известны биоморфный, фетишный, анимический, акциональный и другие виды культурных кодов, которые восходят к ранним формам религии. Культурный код можно определить по базовому образу в результате обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций. Так, базовым образом антропоморфного культурного кода будет «человек», фетишного – «предмет», биоморфного – «растение»/«животное», анимического – «природная стихия», акционального – «действие» и т. д. Количество культурных кодов невелико и разнообразие культур обусловлено комбинацией, трансформацией известных культурных кодов. В.В. Красных отмечает, что набор кодов культуры для человечества универсален. «Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» (Красных 2002: 232).

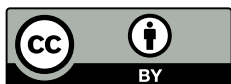
Квазиэталон с базовым образом «животное» представляют собой одну из наиболее многочисленных групп в русской лингвокультуре. Животные играют важную роль в жизни человека: они помогают осуществлять различные виды практик, используются как средства к существованию. Уже наиболее древние занятия человека требовали от него наблюдать за животными, поскольку от

этих знаний зачастую зависела его жизнь. Языковое сознание для выражения стандартов качеств человека прибегает к номинациям домашних, диких, экзотических животных, общим наименованиям и названием частей тела.

Одним из наиболее продуктивных базовых образов является образ *собаки*. Актуальность данного гештальта для русской лингвокультурной общности опирается как на наивные, так и мифологические представления. Собака для русского человека преданный друг, член семьи, сторож. Множество примет связано с поведением собаки. Характерно, что собаки предсказывали обычно нечто нехорошее для человека. Если собака ластится к хозяину, его жизни грозит опасность; если собака роет яму или воет – к покойнику, если собака чешется спиной о землю – к пасмурной погоде, если собака жмётся к хозяину – к несчастью. По-видимому, это связано с мифологическими представлениями о собаке. Одни поверья указывали на то, что тело собаки является вместилищем злого духа, другие – что собака, напротив, предчувствует всякую нечистую силу (Словарь Даля).

Все перечисленные представления положены в основу квазиэталонов. Во-первых, *собака* становится квазиэталоном злого, грубого, низкого, заслуживающего презрения человека: *нёс, нёс смердящий, барбос*. Ряд паремий репрезентирует эти представления: *собаке собачья смерть*. Представления о множестве подобных людей выражаются квазиэталоном *свора*. Во-вторых, собака является образцом распутного человека. В-четвёртых, *собака* репрезентирует эталон ревностно служащего человека. В-пятых, образ собаки вербализует представления о знающем, ловком, искусном в каком-л. деле человеке. Собака считалась демоническим животным. Как отмечает А.Н. Афанасьев, «на Руси рассказывается легенда, что собака создана была голой и что шерсть ей дана дьяволом» (там же: 697). Собака наделялась особым знанием: предсказывала погоду (если собака валяется летом – к ветру и дождю, если собака, стоя на ногах, качается – хозяину предстоит дорога, если собака воет к низу – к покойнику, кверху – к пожару, если собака мало ест, много спит – к ненастью, чёрношерстная собака с двумя белыми пятнами над глазами предчувствует нечистую силу, во время гадания девушки обращаются к собаке: гавкни, собака, где мой суженый и др. (Даль 1995: Т. 4, 250–51). Эти культурные смыслы репрезентированы фразеологическими единицами *собаку съел; знать, где собака зарыта*. Этимон первой устойчивой единицы объясняют либо вкусовыми качествами мяса собаки (невкусное, жёсткое): если человек съел его, он искусила в самом нехорошем, готов преодолевать трудности, имеет опыт, либо ловкостью, смыслённостью собаки (см. Бирих, Мокиенко и др. 1998: 538–39). Этимон второй единицы объясняют представлениями о чёрном псе, охраняющем закрытый клад, метонимическим переносом образа собаки на сам клад (там же: 537). В-шестых, собака является квазиэталоном физически истощённого, голодного человека: *устал как собака, голодный как собака*. Эти представления отражены в паремиях: *сколько собаке ни хватать, а сытой не бывает*. В-седьмых, *собака* указывает на человека, который сам не пользуется чем-л. и другим не даёт это делать. Этот квазиэталон употребляется неабсолютивно, в составе устойчивого выражения: *собака на сене*. Итак, образ

собака используется для репрезентации многообразных качеств человека, является базой для формирования нескольких квазиэталонов. Это обусловлено тем, что собака является первым одомашненным животным. Человек имел возможность увидеть его в различных практиках и накопить многообразные наблюдения за ним.

Таким образом, квазиэталон является единицей лингвокультурного уровня, объективирующей прототипы человеческих качеств. Антропоцентризм, живая образность, продуцирующая оценочность, экспрессивность, эмотивность, являются специфическими чертами квазиэталонов. Образ выступает в роли стандарта качеств человека, отражает процессы культурной категоризации знаний, вычлняющие наиболее важные для лингвокультурной общности отрезки действительности. Перспективным является описание системы квазиэталонов, их семантико-прагматического потенциала, текстообразующих свойств.

ЛИТЕРАТУРА

- Н. Ф. Алефиренко, 2002: *Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры*. М.: Academia.
- А. Н. Афанасьев, 2002: *Мифы, поверья и суеверия славян: В 3 т.* М.: Эксмо, СПб: Terra Fantastika.
- А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова, 1998: *Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник*. СПб.: Фолио-Пресс.
- В. И. Даль, 1995: *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.* М.: Терра.
- М. Л. Ковшова, 2007: «Культурный код» как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования. *Знание. Язык. Культура. Материалы Международной научной конференции «Славянские языки и культура»*. Тула: «Петровская Гора». 30–33.
- , 2009: *Семантика и прагматика фразеологизма (лингвокультурологический аспект)*. АДД на соискание ... доктора филол. наук. М.
- , 2012: *Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры*. М.: URSS.
- В. В. Красных, 2002: *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. М.: Гнозис.
- Г. Н. Складьевская, 2004: *Метафора в системе языка*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- В. Н. Телия, 1996: *Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Шк. «Яз. рус. культуры».

- , 1999: Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. *Фразеология в контексте культуры*. М.: Шк. «Яз. рус. культуры». 13–24.
- Г. В. ТОКАРЕВ, 2013: *Человек: стереотипы русской лингвокультуры*. Тула: С-Принт.
- , 2014: *Словарь стереотипных названий русского человека*. М.: Флинта, Наука.
- U. M. QUASTHOFF, 1973: *Soziales Vorurteil und Kommunikation: Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps*. F. a. M.
- O. Gudkova, 2010: *Handbuch deutscher Sprachsymbole*. Greifswald.
- E. H. Rosch, 1973: Natural categories. *Cognitive Psychology*. Vol. 4. 328–50.
- , 1977: Human categorization. N. Warren (Ed.). *Advances in cross-cultural psychology (Vol. 1)*. London: Academic Press.

POVZETEK

Posledica interakcije med kulturo in jezikom je nova semiotična raven – lingvokultura. Na tej ravni posamezne enote, ki so po naravi verbalne, delujejo kot kulturni znaki. Ena takih enot je kvazistandard. Prvina kvazi- poudarja posebno verbalno naravo te enote. Kvazistandard kaže na standard človeških lastnosti. Semantika kvazistandarda se oblikuje na osnovi jezikovnih konotacij, ki temeljijo na podobnosti. Članek prikazuje posebnosti kodiranja kulturnih pomenov s pomočjo osnovne podobe, in opredeli glavne kulturne kode. Avtor ugotavlja, da je produktivni kod ruske jezikovne kulture biomorfni kod z osnovno podobo živali. Prikaže mehanizme, ki povezujejo kulturne informacije z jezikovno materijo. Kvazistandard ima prototipičen značaj, predstavlja vrednote lingvokulturne skupnosti in je semantično antropocentričen. V članku avtor rekonstruira podobo ruskega narodnega značaja.